

Идеи традиционализма XX в. и их значение для анализа государственного управления

Гончарова Ирина Валентиновна¹

Д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Научно-исследовательского института государственной политики
и управления отраслевой экономикой

ORCID: 0000-0002-7532-8751, e-mail: 79208195393@yandex.ru

Чувардин Герман Сергеевич²

Д-р ист. наук, проф. каф. истории России

ORCID: 0000-0002-7532-8751, e-mail: wodantag@mail.ru

Черепов Виктор Михайлович¹

Д-р мед. наук, зав. каф. управления в здравоохранении и индустрии спорта

ORCID: 0000-0001-5372-7375, e-mail: vm_cherepov@guu.ru

¹Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

²Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302026, Комсомольская ул., 25, г. Орел, Россия

Аннотация

Рассматриваются идеи традиционализма XX в., дается оценка их значения для анализа проблем современного государственного управления. Обосновывается закономерное обращение к традиции как к источнику устойчивости и преемственности в условиях глобализационных трансформаций, цифровизации, кризиса доверия к институтам и фрагментации культурного пространства. Опираясь на исторический опыт Российской Федерации и мировую философскую мысль, авторы считают, что периоды кризисов и геополитическая нестабильность стимулируют возвращение к традиционным основаниям, которые способны выполнять интегративную и легитимирующую функции в политическом порядке. В центре внимания оказываются труды классиков традиционализма, — Р. Генона, Ю. Эволи, Ф. Шуона, М. Элиаде — предложивших систематическую критику модерна и постмодерна. Отмечается их акцент на разрушении сакральных и культурных оснований общества под воздействием либерализма, секуляризма и глобалистской унификации. Современные интерпретации традиционализма, представленные А. де Бенуа, Д. Веннером, А.Г. Дугиным, связывают эти идеи с проблемами информационного суверенитета, культурной идентичности и устойчивости государств в условиях глобализации. Авторы подчеркивают, что традиционализм нельзя рассматривать как практическую программу государственного строительства, однако его аналитический потенциал заключается в возможности критического осмысления категорий власти, легитимности, иерархии, соотношения традиции и инновации. Он позволяет выявлять уязвимости либерально-демократических моделей, анализировать границы демократических процедур в условиях нестабильности, а также рассматривать культурную идентичность как ресурс политической консолидации. Таким образом, идеи традиционализма выступают не столько как альтернатива модерну, сколько как интеллектуальная контрпозиция, расширяющая методологический инструментарий политологии. Их исследование способствует более глубокому пониманию механизмов легитимации власти и поиска устойчивых моделей государственного управления в условиях глобальных вызовов XXI в.

Ключевые слова: традиционализм, государственное управление, политический порядок, иерархия, легитимность власти, модерн, глобализация, постмодерн, кризис доверия

Для цитирования: Гончарова И.В., Чувардин Г.С., Черепов В.М. Идеи традиционализма XX в. и их значение для анализа государственного управления // Управление. 2025. Т. 13. № 3. С. 141–151. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-3-141-151

Ideas of the XX century traditionalism and their significance for the analysis of public administration

Irina V. Goncharova¹

Dr. Sci. (Hist.), Leading Researcher at the Scientific Research Institute of Public Policy and Management of the Sectoral Economy
ORCID: 0000-0002-7532-8751, e-mail: 79208195393@yandex.ru

German S. Chuwardin²

Dr. Sci. (Hist.), Prof. at the Russian History Department
ORCID: 0000-0002-7532-8751, e-mail: wodantag@mail.ru

Viktor M. Cherepov¹

Dr. Sci. (Med.), Head of the Healthcare and Sports Industry Management Department
ORCID: 0000-0001-5372-7375, e-mail: vm_cherepov@guu.ru

¹State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

²Orel State University named after I.S. Turgenev, 25, Komsomolskaya ulitsa, Orel 302026, Russia

Abstract

The article examines the ideas of the XXI century traditionalism and assesses their significance for analysing the problems of modern state administration. It substantiates the natural appeal to tradition as a source of stability and continuity in the context of globalisation, digitalisation, crisis of trust in institutions, and fragmentation of cultural space. Drawing on the Russian Federation's historical experience and global philosophical thought, the authors argue that periods of crisis and geopolitical instability encourage the return to traditional foundations that can serve as integrative and legitimising elements in the political order. The focus is on the works of the classics of traditionalism, such as R. Génon, J. Evola, F. Schuon, and M. Eliade, who offered a systematic critique of modern and postmodern. They emphasised the destruction of the sacred and cultural foundations of society under the influence of liberalism, secularism, and globalist unification. Modern interpretations of traditionalism, presented by A. de Benoist, D. Venner, and A.G. Dugin, link these ideas to the problems of information sovereignty, cultural identity, and sustainability of states in the context of globalisation. The authors emphasise that traditionalism cannot be considered as a practical programme for state-building, but its analytical potential lies in the ability to critically examine the categories of power, legitimacy, hierarchy, and relationship between tradition and innovation. It allows us to identify the vulnerabilities of liberal-democratic models, analyse the limits of democratic procedures in unstable environments, and explore cultural identity as a resource for political consolidation. In this way, the ideas of traditionalism are not so much an alternative to modern as an intellectual counter-position that expands the methodological toolkit of political science. Their study contributes to a deeper understanding of the mechanisms of legitimising power and finding sustainable models of public administration in the face of the global challenges of the XXI century.

Keywords: traditionalism, public administration, political order, hierarchy, legitimacy of power, modern, globalisation, postmodern, crisis of trust

For citation: Goncharova I.V., Chuwardin G.S., Cherepov V.M. (2025). Ideas of the XX century traditionalism and their significance for the analysis of public administration. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (3), pp. 141–151. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-3-141-151

Введение / Introduction

Вызовы современного мира — глобализационные процессы, нарастающая фрагментация культурного пространства, кризис доверия к институциональным структурам, стремительная цифровизация социально-политической сферы — вновь обостряют потребность в обращении к традиции как к механизму обеспечения устойчивости и преемственности. Исторический опыт Российской Федерации (далее — РФ, Россия) показывает, что именно в периоды глубинных кризисов общество стремится к осмыслению традиционных оснований, способных стать опорой для сохранения национально-государственной целостности и духовного уклада [Глазков, 2024]. В этой связи исследование идей традиционализма приобретает особую актуальность: они не только отражают философско-культурные попытки осмысления традиции, но и содержат значительный потенциал для анализа и коррекции стратегий государственного управления [Sedgwick, 2023]. Традиционалистские концепции позволяют по-новому взглянуть на механизмы политической легитимации, социального консенсуса и ценностной интеграции, что делает их востребованными в условиях поиска моделей устойчивого развития и укрепления суверенитета в XXI в.

Философы и политические мыслители XX в. — Р. Генон, Ю. Эвола, Ф. Шуон, М. Элиаде — предложили систематизированную критику модерна и постмодерна, указывая на разрушение традиционных основ общества под воздействием либерализма, секуляризма и глобализма. Их взгляды, несмотря на радикальность и часто маргинальный характер, оказали влияние на современные теоретические дискуссии о легитимности власти, природе государства и границах демократических моделей.

Концепции традиционализма в значительной степени разрабатывались в рамках философии, культурологии, религиоведения [Ковтун, 2016], однако их потенциал выходит далеко за пределы этих сфер гуманитарного знания. Современные вызовы требуют переноса научной дискуссии о традиционализме в сферу политологии, поскольку именно здесь возможно выявить его аналитический ресурс для осмысления механизмов государственной власти, легитимности и устойчивости политического порядка.

Современные интерпретации традиционализма, представленные в работах А. де Бенуа, Д. Веннера, А.Г. Дугина, расширяют этот дискурс, связывая его с критикой глобализации, рыночного индивидуализма и универсалистской информационной политики. Таким образом, он приобретает значение не только как философское течение, но и как междисципли-

нарный аналитический инструмент в исследовании проблем государственного управления.

Цель статьи заключается в выявлении идейного потенциала традиционализма для анализа современного государственного управления и оценки его альтернативных моделей.

Методы исследования включают анализ текстов традиционалистов, сравнительный подход к оценке идей модерна и традиции, а также элементы институционального анализа, позволяющие рассмотреть традиционализм в контексте современного политико-управленческого дискурса.

Традиционализм как философско-политическая концепция / Traditionalism as a philosophical and political concept

Это философское и политическое течение, ориентированное на сохранение и возвышение традиционных ценностей, устойчивых социальных институтов и религиозных оснований цивилизационного развития. В противоположность модернизму и постмодерну, он утверждает приоритет иерархии, преемственности и сакральности в организации общества и власти. При этом традиция понимается не как архаика или культурный реликт, а как универсальный порядок, обладающий трансцендентным характером и способный служить фундаментом политической организации. В исследовательском поле значение традиционализма для современной политики заключается в том, что он образует систему коммуникативных каналов, на основе которой складываются механизмы управления политическими процессами, нормы поведенческой культуры общества, формы взаимодействия государства и общества [Рогозин, 2010].

Проблема традиции как формы социальной преемственности и основы культурного порядка имеет устойчивое место в социально-гуманитарном знании. Если классические философские трактаты Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Д. Дидро, К. Гельвеция, И.Г. Гердера задали методологические ориентиры анализа исторической преемственности и соотношения традиции и модернизации, то в дальнейшем эти идеи получили развитие в социологии культуры и науки. Т. Кун, Р.К. Мертон, П.А. Сорокин и другие исследователи рассматривали традицию как фактор устойчивости и одновременно ограничение инновационных процессов, связывая ее с проблемами культурной идентичности, научной рациональности и институционального воспроизводства.

В XX в. центральными фигурами этого направления стали Р. Генон [Генон, 2000], Ю. Эвола [Эвола, 2007], Ф. Шуон [Шуон, 1996] и М. Элиаде [Элиаде, 1995]. Их идейное наследие легло в основу для дальнейших

разработок представителей новых правых — А. де Бенуа [Бенуа, 2009], Д. Веннера [Веннер, 2017], А.Г. Дугина [Дугин, 2002].

Их труды стали концептуальным ядром современного традиционализма, опирающегося на критику модернизации, технократизма и культурной унификации. В российском контексте идеи этого направления активно развивал А.Г. Дугин, чьи работы соединяют философские, культурологические и геополитические аспекты традиционного мировоззрения.

В контексте данного исследования нас интересует традиционализм, возникший как антипод доминирующих в XX в. модернистских политических концепций. «В XX в. традиционализм Запада складывается в стройную доктринальную систему», — отмечает А.В. Богданов [Богданов, 2010, с. 95]. Идея консервативной революции, которая легла в основу политического традиционализма, представляла собой отрицание доминирующих идеологических доктрин, возникших в XVIII в. и XIX в., а именно марксизма и либерализма. Традиционалисты считали необходимым отказ от политических порядков, воздвигнутых идеями Просвещения, в пользу высшего трансцендентного традиционного порядка.

Для корректного анализа интерпретаций конкретных явлений в традиционалистском дискурсе необходимо предварительно очертить общие мировоззренческие установки и теоретические позиции традиционалистов как целостного направления мысли. А.Г. Дугин, анализируя философию традиционализма, ссылается на его создателя как идеологии в XX в. — Р. Генона. Р. Генон считал традиционализм и преклонение перед традицией абсолютным отрицанием современности. «Определение современности в учении Генона — это выделение некоторого парадигматического протомеханизма, определяющего, как устроен наш мир. Мы как обычные люди, погруженные в процесс становления, склонны воспринимать то, что нас окружает, то, что мы есть, и то, что есть вокруг нас, как данность, как некое „все“. Именно от этого „все-го“ мы откладываем наши познавательные шаги, получая представление о том, что было в прошлом, что будет в будущем, — мы сравниваем это с нашим „всем“» [Дугин, 2002, с. 24–25].

Р. Генон считал необходимым пересмотреть всю существующую современность в пользу высшей трансцендентной максимы, универсального порядка, вселенского царства, которое он считал традицией. В современном мире все традиционное принято рассматривать как низшее, а современное — как высшее, но Р. Генон ставил это под сомнение [Дугин, 2002]. Для него традиция была высшим уровнем мышления, сверхсознательным, выраженным в религиозных текстах и мифологии. Р. Генон, Ф. Шуон, Ю. Эвола,

М. Элиаде считали, что понимание традиции невозможно без религиозной метафизики и преданий, которые переводят ее в степень трансцендентности и сохраняют в веках. «Язык Традиции для Генона есть последняя и высшая инстанция, которая, являясь полнотой парадигматических онто-гносеологических возможностей, имеет право выносить свой приговор относительно любого нормального или аномального фрагмента реальности, в том числе и относительно парадигмы (или языка) современности... Традиция важнее, чем традиционализм» [Дугин, 2002, с. 27].

Р. Генон считал, что установление традиционного порядка возможно только при полном отказе от современности и разрушении современного мира в пользу традиционного. М. Элиаде и К. Юнг не совсем разделяли этот подход, считая, что в современном мире возможен мягкий переход в плоскость традиционализма через принцип вечного возвращения. Как пишет А.Г. Дугин, в своем философском мышлении Р. Генон отличал время от вечности. Время — это просто движение частиц, О. Шпенглер называл это космическим тактом [Шпенглер, 1993]. Вечность — это все элементы бытия вместе, глобальное целое. Вечность может существовать сама по себе вне времени, а время вне вечности — нет.

Философия модерна ставит в своей основе не вечность, а именно время, считая, что оно движется только линейно и его движение вперед — это движение только к лучшему. Она основана на том, что завтра будет лучше, чем вчера, однако Р. Генон ставил этот тезис под сомнение.

Согласно концепциям современных позитивистов, например Ф.А. фон Хайека или Б. Рассела, время движется только линейно и вечности в принципе не существует. У времени нет цели, оно движется без заданности [фон Хайек, 1992; Рассел, 2001].

Марксисты верили в цикличность времени, которая была выражена через производственные отношения и смену экономических формаций, однако диалектический и прогрессивистский характер их философии не позволял им смотреть на прогресс так же, как это делали традиционалисты.

Р. Генон считал необходимым переосмыслить время и первым поставил проблему иного его понимания и соотношения времени и вечности, что и сделало возможным возникновение традиционалистической мысли.

Исходя из этого ключевая философская установка традиционалистов заключается в противопоставлении времени и вечности, исторической изменчивости и сакральной неизменности. Для государственного управления такое видение важно тем, что оно позволяет ставить под сомнение универсальность либеральных

моделей, акцентируя внимание на ценности устойчивости и преемственности.

Ю. Эвола предложил систематизированное видение традиционалистской политической модели. Принципы традиционализма по Ю. Эволе: истинное государство, иерархия, справедливость как неравенство, функциональные классы и категории ценностей, политический уровень как порядок, превосходящий общественно-экономический [Эвола, 2007].

Он считал государство идеальной системой организации общества. Философ был убежден, что любая безгосударственность, анархичность и антигосударственность — это регресс и упадок. В работе «Языческий империализм» философ объясняет структуру идеального государства, опираясь на структуру общества древней Индии и идеи древнегреческого философа Платона [Эвола, 1994].

«В кастах мы видим идеал общности активности, призвания, крови, наследия, законов, прав и обязанностей, точно соответствующий типам человеческого бытия, органичным проявлениям близких по духу натур... Касты являются базисом социальной иерархии, прямо отражающей иерархию типов бытия, ценностей и качеств, восходящих постепенно от материального к духовному, от бесформенного к обладающему формой, от коллективного к универсальному» [Эвола, 1994, с. 91–92]. Древняя Индия является примером этого идеала, который присутствует и в других культурах — вплоть до нордическо-римского Средневековья.

Такой взгляд на государство очень схож с идеями великого греческого философа Платона. Вот так, например, описывается египетским жрецом в диалоге Платона «Тимей» идеальное государство Атлантида: «...здесь теперь найдешь ты много образцов того, что было тогда у вас: найдешь, во-первых, класс жрецов, отдельный от прочих сословий; потом, класс художников, работающий по каждому художеству отдельно, — не смешивая одного с другим; далее, сословия пастухов, охотников и земледельцев; да и класс людей военных, ты видишь, обособлен здесь от всех сословий, и этим людям закон вменяет в долг не иметь попечения ни о чем больше, как только о делах военных» [Платон, 2014, с. 340].

Сословное деление и строгую иерархию Ю. Эвола считал высшими ценностями в идеальном обществе. Ю. Эвола также трактовал справедливость как естественное природное неравенство. Вот что он пишет о справедливости, ссылаясь на учение Платона: «Каждый человек, действительно осознающий себя личностью и обладающий достоинством, воспримет как оскорбление то, что его собственный закон будет иметь равную силу и для всех других (приблизительно именно к этому сводится хорошо известная

формулировка того же категорического императива кантовской морали). Правило древней мудрости утверждает прямо противоположное: шит *cuique tribue* — воздайте каждому свое. Точно так же в учении Платона высший долг государя состоит в соблюдении справедливости, понимаемой в вышеуказанном смысле» [Эвола, 2007, с. 87].

Упадок иерархического порядка философ считал деградацией, но никак не прогрессом. Он рассматривал историю человечества как упадок кастового порядка, постепенное вырождение кастовой иерархии от высшей «солнечной» к низшей рабской. «...можно выделить один наиболее объективный и наиболее показательный процесс — процесс кастовой деградации. Начиная с доисторических времен „смысл истории“ состоял именно в последовательном нисхождении четырех главных каст, — 1) „солнечной“ королевско-сакральной касты; 2) воинственной знати; 3) мещанства, торговцев и 4) рабов — в которых в традиционных культурах, и в особенности в арийской Индии, находила свое выражение качественная дифференциация человеческих возможностей» [Эвола, 1994, с. 86].

Мыслитель считал, что доминирование всемогущей силы денег, а затем труда является не более чем попыткой загнать остатки элиты и все общество в рабство. Если сверхчеловеческая духовность и слава определяли «солнечную» эпоху, героизм и честь — эру воинов, деньги — время торговцев, то с приходом к власти рабов утверждается труд, возведенный в ранг культа. Ненависть рабов, восхваляя саму себя, возводит в священный принцип смрад человеческого пота: труд облагораживает, труд — величие, труд — нравственный долг. Так каста рабов и эпоха труда окончательно низводят человечество в могилу, завершая цикл деградации [Эвола, 1994].

Исторические формы Ю. Эвола считал не более чем примерами для обращения (например, Римская империя), традиция для него носила идеальный характер [Эвола, 2007]. Он радикально негативно относился ко всему либеральному, марксистскому и анархическому, видя в этих концепциях упадок цивилизации и отказ от идеальной традиционной формы в пользу вырожденческой. Выделяя традицию как идеальное явление, Ю. Эвола, как и Р. Генон, считал, что она имеет высшее трансцендентное значение и ее установление — это абсолютная победа над современным миром.

Последователи идей традиционалистов развивали их теоретические воззрения. Например, А. де Бенуа считал необходимым объединение европейских государств в квазифедеративный политический альянс, чтобы противостоять американскому культурному глобализму и рыночному империализму. Тем самым

он развивал тезис Ю. Эвола о Пан-Европе, выдвинутый им в работе «Языческий империализм» [де Бенуа, 2009]. Также А. де Бенуа говорил о необходимости социальной справедливости в противовес рыночному доминированию и рассматривал идею коммунитаризма как новой формы социального взаимодействия.

В развитии современного традиционализма отдельные позиции занимает философская система отечественного мыслителя А.Г. Дугина, которая получала название в соответствии с его произведением «Четвертая политическая теория...» [Дугин, 2009]. А.Г. Дугин, в отличие от классических подходов традиционалистов, опиравшихся преимущественно на философско-метафизическое переосмысление модерна, интегрирует традиционалистскую метафизику в практическое политическое проектирование. Он противопоставляет Четвертую политическую теорию трем идеологическим моделям Нового времени — либерализму, марксизму и фашизму. По мнению мыслителя, все они в той или иной мере представляют собой продукты модерна. Обосновывая, он обращается к традиции как к онтологическому фундаменту, способному преодолеть как тиранию рынка, так и догматизм идеологий XIX–XX вв.

Традиция в тестах А.Г. Дугина — не столько религиозно-метафизическая категория, сколько живая политическая реальность, способная формировать новые формы власти, суверенитета и международных отношений. В «Четвертой политической теории...» акцент делается на категории народа и расы (по М. Хайдеггеру), что позволяет выстроить политическую модель, ориентированную на сохранение культурной идентичности и сопротивление глобалистской унификации.

Применительно к государственному управлению концепция А.Г. Дугина вносит несколько ключевых положений.

1. Суверенитет воспринимается как ценность. Государство должно рассматриваться не только как административный механизм, но и как хранитель традиции и идентичности. Это нашло отражение в нормативно-правовых актах современной России. В Указе Президента от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» отмечается: «Позитивный сценарий будет реализован при условии системного и последовательного проведения государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей»¹.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 01.08.2025).

2. Антиглобализм является вынужденной необходимостью. В условиях культурной и политической гомогенизации усиливается значение традиционных культурных и цивилизационных кодов. Как отмечает А.В. Торкунов, категория ценностей напрямую коррелируется с ценностным суверенитетом РФ, когда речь идет «об устойчивости российского общества по отношению к внешней ценностной экспансии и внешнему деструктивному информационно-психологическому воздействию» [Торкунов, 2022, с. 19].

3. Элитарность и иерархия как фундаментальные основы. Государственное управление должно опираться на элиту, способную транслировать и защищать традиционные ценности. Упомянутый ранее Указ Президента «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» определяет международную миссию российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей.

4. Культурная политика должна стать основой управления, поскольку управление невозможно без постоянного воспроизводства и укрепления смыслов, которые укоренены в традиции. «В современном мире культура становится значимым ресурсом социально-экономического развития, позволяющим обеспечить лидирующее положение нашей страны в мире благодаря привлекательности российской системы ценностей», — подчеркивается в Указе Президента РФ от 24 декабря 2014 г. «Об утверждении Основ государственной культурной политики»².

5. В геополитическом аспекте традиционализм Е.Г. Дугина формирует образ многополярного мира, где каждая цивилизация имеет право на собственную модель развития.

Таким образом, традиционализм вносит в политическую мысль акцент на сакральные основания власти и необходимость иерархической организации общества. В управленческом измерении он подчеркивает важность элиты как носителя легитимности и стабильности, а также рассматривает государство не как инструмент общественного договора, а как имеющий трансцендентное основание институт.

Для анализа современного государственного управления это направление позволяет по-новому оценить категории легитимности, элитарности, преемственности и устойчивости. Традиционализм обращает внимание на те элементы политического порядка,

² Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». Режим доступа: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-24122014-n-808/> (дата обращения: 01.08.2025).

которые оказываются маргинализированными в либерально-демократическом дискурсе, но сохраняют значение в условиях кризиса доверия к современным институтам.

Критика модерна и постмодерна в традиционализме / Criticism of modern and postmodern in traditionalism

Одним из фундаментальных направлений традиционалистской мысли является критика модерна и постмодерна как цивилизационных этапов, приведших к разрушению традиционных форм политического и социального порядка. Традиционалисты рассматривают модерн не как прогресс, а как эпоху, ознаменованную упадком сакральности, деградацией иерархических структур и утратой органической целостности общества.

Представители данного направления едины в том, что политический порядок, основанный на идеалах Просвещения, носит искусственный и разрушительный характер. Французская революция XVIII в. для них стала символом упадка и начала эгалитарно-рыночной парадигмы. Как отмечалось в текстах традиционалистов, «...различные стороны современного общественно-политического беспорядка взаимосвязаны, и оказать им реальное сопротивление можно лишь при условии возвращения к корням, что означает простое и безоговорочное отрицание всего — в социальной, политической и экономической области — связанного с „бессмертными принципами“ 1789 г. ...» [Эвола, 2007, с. 117].

Для государственного управления данная позиция интересна тем, что традиционалисты подвергают сомнению универсальность либерально-демократической модели, предлагая рассматривать ее как исторически обусловленный феномен, а не как единственно возможную форму организации власти.

Ю. Эвола выступал с жесткой критикой массовой культуры, потребительского общества и современных медиа, считая их инструментом деградации личности и разрушения сакрального порядка: «...технологическое общество уже осознало необходимость систематической организации „свободного времени“, предложив человеку стандартный набор тупых развлечений» — спорт, телевидение, кино и иллюстрированные журналы [Эвола, 2007, с. 253].

Современные медиа, по мнению традиционалистов, становятся частью механизма манипуляции и стандартизации, способствуют утверждению универалистских культурных образцов и подрывают органическую идентичность обществ.

А. де Бенуа критиковал идеи абсолютной рыночной свободы, получившие во второй половине XX в. широкое распространение благодаря Ф.А. фон Хайеку.

Он упрекал Ф.А. фон Хайека и его последователей за отрицание социальной справедливости. Хайековская критика концепции социальной справедливости принадлежит к числу наиболее радикальных в истории мысли. Он характеризует ее как фантом, антропоморфный обман, онтологическую нелепость — словом, как бессмыслицу, допустимую разве что в условиях первобытного общества.

Рынок в трактовке Ф.А. фон Хайека предстает как своего рода социальная игра. Ее правила универсальны и одинаковы для всех участников. Исход же этой игры неравен: в обществе всегда есть победители и побежденные. Называть такое положение вещей справедливым или несправедливым бессмысленно — ведь последствия индивидуальных действий непредсказуемы.

Поскольку рыночный порядок никем не проектировался, никто не несет ответственности за его результаты. Рассуждать о несправедливости безработицы столь же абсурдно, как жаловаться на чужой лотерейный выигрыш. Оценивать можно лишь поведение человека, но не объективные результаты его деятельности. Неудачи — естественная часть мироустройства. Требовать ответственности за чужие провалы нелепо, как и пытаться оспорить саму природу случайности [Бенуа, 2009].

Также А. де Бенуа считал непозволительным уничтожение национальной независимости, что Ф.А. фон Хайек, наоборот, поддерживал. Анализируя понимание Ф.А. фон Хайеком демократии, А. де Бенуа пишет следующее: «Демократия определяется Хайеком в исключительно правовых терминах; этот тезис лишает ее всякого глубинного содержания. Как и рынок, демократия представляется им как поле действия безличных сил. Хайек критикует также принцип правления большинства как противоречащий принципу индивидуализма. Эта концепция отрицает понятие народа как органического целого, идею национальной независимости и какие бы то ни было надежды на прямую демократию» [Бенуа, 2009, с. 94].

Мыслитель считал идеи Ф.А. фон Хайека глубоко антитрадиционными. «Традиция в глазах Хайека не имеет никакой иной ценности, кроме как указывать путь к неперсональному и абстрактному порядку, воплощенному в рынке; все остальное, имеющее отношение к традиции, отрицается. Кроме того, существует ясное противоречие между традицией, которая по определению социально уникальна и является единственной в своем роде, и теми сугубо универалистскими принципами, которые Хайек предлагает человечеству. Теперь, когда все признают, что современный Запад — это серп, нацеленный на корень традиции, ясно, что за благосклонной апелляцией Хайека к „традиции“ кроется нечто другое, а именно —

стремление пресечь какую бы то ни было традицию» [Бенуа, 2009, с. 96].

А. де Бенуа критикует культурную и экономическую глобализацию, которую ведут универсумы, свести мировые культуры, включая европейскую, к стереотипам, сделать их более примитивными: «после падения Берлинской стены мы вошли в четвертый номос Земли. Он обозначен переделом мира на большие цивилизационные пространства, потенциально содержащие в себе также и большие пространства политические. Но такая многополярность мира пока еще только виртуальна. Ибо гегемония, — по мнению автора, — принадлежит только одной цивилизации — Соединенным Штатам Америки» [Бенуа, 2009, с. 173].

Одними из причин глобализации А. де Бенуа считает взлет информационных технологий и формирование в связи с этим культурной гегемонии Соединенных Штатов Америки, а также доминирование глобальной утилитарной рыночной идеи. Глобализация стала возможной благодаря двум ключевым факторам: стремительному развитию электроники и цифровых технологий, создавших всемирную информационную паутину, и краху советской системы, которая на протяжении десятилетий служила геополитическим противовесом американскому влиянию.

Следует подчеркнуть, что исчезновение коммунистического режима не вызывает сожалений, хотя в политике, как отмечал М. Вебер, благие намерения часто приводят к неожиданным последствиям. Процесс глобализации развивается не хаотично, а подчиняется строгой рыночной логике, где главными критериями становятся торговая выгода и коммерческая эффективность.

Этот процесс сопровождается глубокой трансформацией общественного сознания. Рыночная парадигма проникает во все сферы жизни, включая те области, которые традиционно считались некоммерческими, — искусство, образование, спорт и культуру. Современный человек все чаще воспринимается через призму утилитаризма — как экономический субъект, ориентированный на максимизацию личной выгоды через производство и потребление.

Наблюдается эволюция от общества с рыночными отношениями к обществу, полностью организованному по рыночным принципам. Однако, вопреки ожиданиям, распространение рыночного обмена не устраняет социальное отчуждение, а лишь заменяет его критерием платежеспособности, создавая новые формы неравенства и отчуждения.

Мыслитель критикует экономическую глобализацию за то, что она оставляет большинство людей незащищенными, и за тот факт, что транснациональные корпорации в своих финансовых возможностях

превосходят национальные государства. Это способствует уничтожению национальной идентичности и стиранию границ.

Таким образом, критика модернистской парадигмы управления выражается в отрицании универсализма рынка, абстрактного индивидуализма и идей прогресса, навязываемых как единственно возможные.

Д. Веннер в своих работах акцентировал внимание на разрушительном характере капиталистического прогресса, особенно в отношении природы и европейской идентичности. Экономический глобализм и капитализм способствуют уничтожению природы и сверхпотреблению. Традиционалисты считали ее сохранение необходимым. Особенно на этом акцентирует внимание Д. Веннер. Он считает, что либерализм и сверхпотребление способствуют уничтожению природы и ставят под вопрос сам факт выживания Европы в условиях форсированного технического прогресса: «Одним из важнейших вопросов будущего будет вопрос остановки роста и, более того, вопрос спада» [Веннер, 2017, с. 52–53].

В контексте государственного управления эта позиция значима тем, что традиционалисты первыми обозначили проблему экологических и ресурсных ограничений современного прогресса, предвосхитив часть аргументов нынешней зеленой повестки.

Таким образом, критика модерна и постмодерна в традиционализме строится на отрицании универсальности либерально-демократических моделей, рыночного индивидуализма и культурного глобализма. Традиционалисты подчеркивают, что модернистский проект приводит к утрате органической целостности общества, сакрального измерения власти и устойчивости политического порядка.

Выводы / Discussion

Современная политическая наука все чаще обращается к альтернативным подходам для анализа кризисных процессов в государственном управлении. На этом фоне идеи традиционализма приобретают особую значимость, поскольку они позволяют по-новому осмыслить фундаментальные категории власти, легитимности и политического порядка. Несмотря на то, что традиционализм редко воспринимается как практическая программа, его концептуальная глубина делает возможным использование положений этого направления в исследовательском и критическом контекстах.

Так, традиционалисты утверждают, что истинная легитимность власти не может основываться исключительно на процедурах или формальном праве. Она должна иметь сакральное основание, связанное с традицией, историей и культурным кодом общества.

Эта идея позволяет подвергать сомнению универсальность демократических механизмов легитимации, которые часто оказываются уязвимыми перед кризисами доверия.

В условиях современного управления данная позиция подчеркивает необходимость поиска более глубоких оснований политической легитимности, чем выборные процедуры или экономическая эффективность.

В традиционалистском представлении иерархия и элита — неотъемлемые условия устойчивости государства. Идея справедливости как неравенства, разработанная Ю. Эволой, противостоит либеральному пониманию равенства и указывает на функциональное распределение обязанностей в обществе.

Для анализа государственного управления это позволяет рассматривать элиту не только как социальную группу, но и как источник структурной стабильности политической системы. Таким образом, традиционализм открывает возможность изучать управленческие механизмы через призму иерархичности и дифференциации.

Современные традиционалисты, включая А. де Бенуа и Д. Веннера, подвергают критике глобализм и универсализацию политических и культурных моделей. Эта критика акцентирует внимание на проблеме утраты государствами информационного и культурного суверенитета.

Анализ текстов традиционалистов демонстрирует, что данное направление в его классических и современных интерпретациях не только выступает философской концепцией, но и имеет методологический потенциал для политической науки. Если в идеях Р. Генона, Ю. Эволы и их последователей традиция осмысливается как универсальный порядок, противостоящий хаосу модернизации и культурной унификации, то российский философ А.Г. Дугин придал традиционализму новое политическое измерение. Он предложил рассматривать его как основание для альтернативных моделей государственного управления. Воззрения А.Г. Дугина позволяют по-новому оценить такие категории, как легитимность, роль элиты, суверенитет и преемственность, что особенно важно в условиях кризиса доверия к современным институтам и глобальных вызовов цифровой эпохи.

Обращение к концепции традиционализма открывает перспективы для формирования в политологии исследовательских направлений, ориентированных на поиск устойчивых и культурно укорененных моделей государственного управления.

Для анализа государственного управления такой подход ценен тем, что он позволяет рассматривать глобализацию не как нейтральный процесс интеграции, а как форму давления, подрывающую национальные управленческие системы. В этом контексте идеи

традиционализма перекликаются с современными исследованиями в области теории суверенитета и информационной безопасности.

Наконец, в современном академическом дискурсе традиционализм может рассматриваться как методологический инструмент для анализа кризисов государственного управления. Его идеи поднимают вопросы:

- границ демократических процедур в условиях политической нестабильности;
- соотношения традиции и инноваций в управлении;
- роли культурной идентичности в формировании политического порядка;
- уязвимости государств перед глобализацией и цифровизацией.

Таким образом, традиционализм способствует расширению методологического инструментария политической науки, предлагая альтернативный взгляд на природу власти и устойчивость государственных институтов.

Заключение / Conclusion

Проведенный анализ позволяет утверждать, что традиционализм, несмотря на свою радикальность и контрмодернистский характер, обладает значительным исследовательским потенциалом для политологии и теории государственного управления. Его ключевые идеи — иерархия, сакральность власти, принцип преемственности — вступают в резкое противоречие с либерально-демократическими моделями, однако именно в этом противоречии заключена их аналитическая ценность.

Традиционалисты выявляют уязвимости модерна и постмодерна: кризис легитимности демократических институтов, разрушение социально-культурной идентичности под влиянием глобализации, девальвацию справедливости до рыночного равенства. В этих аспектах традиционализм выступает не столько как практическая альтернатива, сколько как концептуальная критика, позволяющая по-новому рассматривать устойчивость политического порядка.

Для современного государственного управления идеи традиционализма актуальны как методологическая рамка анализа. Они акцентируют внимание на проблемах легитимации власти, баланса между элитарным и массовым началом, соотношения традиции и инноваций в политике. При этом их интеграция в мейнстрим политического дискурса ограничена ввиду радикальной направленности и несоответствия ценностным основам современного общества.

Дальнейшее изучение традиционализма целесообразно развивать по нескольким направлениям:

- 1) как сравнительный анализ в исследовании традиционалистских концепций и сопоставления

их с теориями модерна, постмодерна и многочисленными концепциями цифровизации;

2) как институциональные исследования, дающие оценку влияния традиционалистских идей на практику государственного управления и политические институты в разных странах;

3) в контексте ценностного измерения для выявления потенциала традиционализма в формировании национальной идентичности и укреплении политической легитимности;

4) как критический дискурс-анализ, изучающий использование традиционалистских идей в политической риторике, а также в цифровых масс-медиа;

5) в формате междисциплинарных исследований с привлечением методологий культурологии, социологии и философии для комплексного понимания традиционализма в политике.

Таким образом, традиционализм сохраняет значение не столько как проект прямой политической практики, сколько как интеллектуальная контрпозиция, стимулирующая переосмысление основ государственного управления в условиях глобальных трансформаций. Его дальнейшее исследование позволит расширить инструментарий политической науки и глубже понять механизмы устойчивости и преемственности власти в XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богданов А.В. К пониманию традиции и традиционализма в западной и отечественной политико-философской мысли. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2010;3(10):95–97.

Веннер Д. Самурай Запада. Настольная книга непокоренных. Пер. с фр. О. Молотова. М.: Тотенбург; 2017. 236 с.

Генон Р. Очерки о традиции и метафизике. Пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Азбука; 2000. 317 с.

Глазков А.В. Традиционализм как фактор политической стабильности в современном российском обществе. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024;1:283–288. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-283-288>

Де Бенуа А. Против либерализма (к Четвертой политической теории). Пер. с фр. СПб.: Амфора; 2009. 476 с.

Дугин А. Философия традиции. М.: Арктогея-Центр; 2002. 624 с.

Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб.: Амфора; 2009. 350 с.

Ковтун Н.В. (ред.) Русский традиционализм. История, идеология, поэтика, литературная рефлексия. М.: Флинта; 2016. 456 с.

Платон. Парменид, Кратил и другие диалоги. СПб.: Наука; 2014. 550 с.

Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. Пер. с англ. Н.В. Воробьева. М.: Институт общегуманитарных исследований; 2001. 555 с.

Рогозин Э.В. Роль традиционализма в политических процессах современной России. Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М.: Институт социологии Российской академии наук; 2010. 31 с.

Торкунов А.В. Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы. Полис. Политические исследования. 2022;5:7–22. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.02>

Фон Хайек Ф.А. Дорога к рабству. Пер. с англ. М.: Экономика, 1992. 176 с.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 1. Гештальт и действительность. Пер. с нем. К.А. Свасьяна. М.: Мысль; 1993. 663 с.

REFERENCES

Bogdanov A.V. To understanding of tradition and traditionalism in Western and domestic politico-philosophical thought. Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology. 2010;3(10):95–97. (In Russian).

De Benoist A. Against liberalism (towards the Fourth political theory). Trans. from Fr. St. Petersburg: Amphora; 2009. 476 p. (In Russian).

Dugin A. Philosophy of tradition. Moscow: Arktogeya-Tsenter; 2002. 624 p. (In Russian).

Dugin A.G. The Fourth political theory. Russia and political ideas of the XXI century. St. Petersburg: Amphora; 2009. 350 p. (In Russian).

Eliade M. Aspects of myth. Moscow: Invest-PPP; 1995. 238 p. (In Russian).

Evola J. Pagan imperialism. Trans. from Ger. A. Dugin. Moscow: Arktogeya Historical and Religious Society; 1994. 172 p. (In Russian).

Evola J. People and ruins. Fascism viewed from the right. Translated from Spanish by V.V. Vanyushkina. Moscow: AST; Khramitel; 2007. 445 p.

Glazkov A.V. Traditionalism as a factor of political stability in modern Russian society. State and Municipal Administration. Scientific Notes. 2024;1:283–288. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-283-288>

Guénon R. Essays on tradition and metaphysics. Trans. from Fr. V.Yu. Bystrov. St. Petersburg: Azbuka; 2000. 317 p. (In Russian).

Kovtun N.V. (ed.) Russian traditionalism. History, ideology, poetics, literary reflection. Moscow: Flinta; 2016. 456 p. (In Russian).

Plato. Parmenides, Cratylus, and other dialogues. St. Petersburg: Nauka; 2014. 550 p. (In Russian).

Rogozin E.V. The role of traditionalism in political processes of modern Russia. Abstr. Diss. ... Cand. Sci. (Polit.). Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2010. 31 p. (In Russian).

Russell B. Human knowledge. Its scope and limits. Trans. from Eng. N.V. Vorobyov. Moscow: Institute of General Humanitarian Studies; 2001. 555 p. (In Russian).

Schuon F. Selected works. Kaunas: Baltios Aras; 1996. 586 p. (In Russian).

Шуон Ф. Избранные сочинения. Каунас: Балтийос Арас, 1996. 586 с.

Эвола Ю. Языческий империализм. Пер. с нем. А. Дугина. М.: Историко-религиозное общество «Арктогея»; 1994. 172 с.

Эвола Ю. Люди и руины. Критика фашизма. Взгляд справа. Пер. с ит. В.В. Ванюшкиной. М.: АСТ; 2007. 445 с.

Элиаде М. Аспекты мифа. Пер. с фр. М.: Инвест-ППП; 1995. 238 с.

Sedgwick M. Traditionalism. The radical project for restoring sacred order. London: Pelican; 2023. 336 p.

Sedgwick M. Traditionalism. The radical project for restoring sacred order. London: Pelican; 2023. 336 p.

Spengler O. The decline of the West. Essays on morphology of world history. Volume 1. Gestalt and reality. Trans. from Ger. K.A. Svasyan. Moscow: Mysl; 1993. 663 p. (In Russian).

Torkunov A. V. Russia and political order in a changing world: values, institutions, prospects. Polis. Political Studies. 2022;5:7–22. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.02>

Venner D. Samurai of the West. The table book of the unconquered. Trans. from O. Tabakov. Moscow: Totenburg; 2017. 236 p. (In Russian).

Von Hayek F.A. The road to serfdom. Trans. from Eng. Moscow: Ekonomika; 1992. 176 p. (In Russian).